

РЕЦЕНЗІЇ

Moshe Taube, *The Logika of the Judaizers: A Fifteenth-Century Ruthenian Translation from Hebrew. Critical edition of the Slavic texts presented alongside their Hebrew sources with Introduction, English translation, and commentary* (Jerusalem: The Israel Academy of Sciences and Humanities, 2016), 720 p.

Долгожданная монография известного израильского слависта Моше Таубе посвящена переводам на руську мову средневековых еврейских философских текстов (в свою очередь переведённых с арабского), выполненным во второй половине XV в. в Великом княжестве Литовском (вероятно, в Киеве) совместными усилиями иудейских и православных книжников и позже получившим известность на территории Московской Руси.

Книга содержит критическое издание руськомовного перевода трёх произведений: трактата Маймонида *Слова логики* (сокращение *LM*, с. 145–255) и двух первых разделов трактата Абу Хамида Мухаммада аль-Газали *Намерения философов: Богословие* (сокращение *TA*, с. 257–424) и *Логика* (сокращение *LA*, с. 426–573). Первые два произведения сохранились в девяти славянских рукописях, третье — лишь в одной, современное местонахождение которой неизвестно (этот источник доступен благодаря двум независимым переписям, одна из которых частична).

При наличии нескольких списков славянского перевода (*Слова логики* Маймонида и *Богословие* аль-Газали) текст издаётся в реконструированной форме и сопровождается сводкой разночтений и комментарием. Параллельно с ним публикуется его английский перевод, выполненный самим М. Таубе, а также текст еврейского оригинала, специально составленный издателем из текстового материала, доступного в рукописях и печатных изданиях, и также сопровождаемый комментарием. Публикация каждого из указанных трёх текстов предваряется особым введением, кратко излагающим его основное содержание, перечислением использованных славянских списков (с указанием их условных сокращений) и краткой характеристикой соответствующих еврейских источников (печатных и/или рукописных).

Выполнение и первоначальное распространение в восточнославянской среде этих переводов связывается с деятельностью Захарии бен Аарона га-Когена — киевского учёного еврея и переписчика нескольких дошедших до нас еврейских списков научно-философских произведений, выполненных в Киеве (1454–1468 гг.) и Дамаске (1485 г.), которого славянские источники называют Схарией: осенью 1471 г. вместе со слущким князем Михаилом Олельковичем он прибыл из Киева в Новгород, где стал родоначальником новгородско-московского движения жидовствующих.

Связь издаваемых М. Таубе руськомовных переводов со Схарией (а через него и с движением жидовствующих) доказывается независимым источником — рукописным перечнем семи свободных наук, названия которых полностью совпадают с уникальной терминологией, использованной в руськомовной версии трактата Маймонида *Слова логики*. Этот перечень, эксплицитно приписанный Схарии, содержится среди дополнительных статей двух близкородственных восточнославянских списков древнеболгарского *Супрасльського сборника*:

- 1) фрагмент цветно-триодного торжественника и мартовская четья минея с дополнениями, 1520–1530-е гг. (Киев, Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского, собр. Мелецкого монастыря на Волыни (ф. 303), № 117; 2°, 458 л.)¹, перечень наук Схарии на л. 415 об. — 416;
- 2) фрагмент цветно-триодного торжественника и мартовская четья минея с дополнениями, последняя четверть XVI в. (Львовская национальная научная библиотека Украины им. В.С. Стефаника, собр. Центрального василианского архива и библиотеки во Львове (ф. 3), № 104; 2°, 258 л.)², перечень наук Схарии на л. 253 об.

Оба этих списка независимо друг от друга восходят к более раннему общему (вероятно, киевскому) архетипу, уже содержавшему перечень наук Схарии³. Этот перечень давно опубликован по первому (более раннему) списку⁴, и лишь он указан в монографии М. Таубе (с. 62–63). Однако существование второго (львовского) списка весьма важно: он показывает не только бóльшую распространённость редкого упоминания о Захарии бен Аароне в кириллической книжности Великого княжества Литовского, но и позволя-

-
- 1 Петров Н.И. *Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве*, вып. 1: *Собрание рукописей московского митрополита Макария (Булгакова), Мелецкого монастыря на Волыни, Киево-Братского монастыря и Киевской духовной семинарии*. М., 1891, 213–218 (№ 117) (напечатано также в: *Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете*. 1892, кн. 1, 1–174; кн. 2, 175–240, кн. 3, 241–321); Иванова О.А., Гальченко О.М., Гнатенко Л.А. *Слов'янська кирилична рукописна книга XVI ст. з фондів Інституту рукопису Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського. Науковий каталог. Палеографічний альбом*. К., 2010, 196–197 (№ 100).
 - 2 Искренне благодарю Марию Кольбух за определение филиграней этой рукописи: 1) герб «Секира», подобен Лауцявичюс, № 1701 (1591–1594 гг.); 2) герб «Абданк» — Лауцявичюс, № 1038 (1582–1583 гг.).
 - 3 Подр. см.: Темчин С.Ю. Бытование древнеболгарского Супрасльського сборника в Великом княжестве Литовском в XVI–XVII веках: новые данные. *Преоткриване: Супрасльски сборник, старобългарски паметник от X век*, ред. А. Милтенова. София, 2012, 195–215.
 - 4 См. публикацию и обсуждение этого текста: Перетц В.Н. Новые труды по источниковедению древнерусской литературы и палеографии: *Критико-библиографический обзор. XVI–XXIV*. К., 1906, 63 (= *Университетские известия*. Т. 46, кн. 12. К., 1906, 109 (пятой пагинации)); М. Таубе, “The Fifteenth-Century Ruthenian Translations from Hebrew and the Heresy of the Judaizers: Is There a Connection?,” *Speculum Slaviae Orientalis: Muscovy, Ruthenia and Lithuania in the Late Middle Ages*, ed. by V.V. Ivanov and J. Verkhohantsev [University of California, Los Angeles. UCLA Slavic Studies, New Series, vol. 4] (Moscow, 2005), 196–198.

ет датировать возникновение данного перечня наук не 1520–1530-ми гг. (время написания киевской рукописи), а более ранним временем, когда создавался общий протограф обоих списков. Тем самым сокращается хронологический разрыв между временем жизни Схарии и рассматриваемым текстовым свидетельством о нём.

Рецензируемая книга состоит из краткого предисловия (с. 9–10), перечня использованных сокращений (с. 11–14) и библиографии (с. 15–38). В разделе сокращений указаны сиглы использованных славянских рукописных источников и их расшифровка, почти не сопровождаемая необходимыми в таких случаях ссылками на соответствующие описания рукописей. Как мы увидим далее, приводимые М. Таубе датировки иногда расходятся с указанными в печатных описаниях.

Следующее далее обширное введение (с. 41–141) состоит из нескольких глав. Первая (с. 41–45) кратко представляет читателю две хронологически различные группы славянских кириллических текстов, переведённых непосредственно с еврейского (с. 41–43), а также новгородско-московское движение жидовствующих (с. 43–45)⁵.

Вторая глава (с. 46–49) кратко характеризует издаваемые тексты: *Слова логики* Маймонида (с. 46–48) и *Намерения философов* аль-Газали (с. 48–49).

Третья глава (с. 50–69) посвящена происхождению и характеру славянского перевода публикуемых философских текстов и кратко реферировывает выполненное М. Таубе исследование, результаты которого были изложены в предыдущих публикациях автора. Здесь приведено доказательство того, что издаваемые философские тексты переводились в Великом княжестве Литовском еврейским книжником в сотрудничестве с восточным славянином (с. 50–51), охарактеризован язык этого перевода: его фонетика, морфология, синтаксис (калькирующий еврейский оригинал) и лексика (с. 51–57).

Представленное здесь лингвистическое описание публикуемого руськомовного перевода вызывает наибольшее количество вопросов.

Так, написание «подвоицьса» (с. 51), цитируемое в качестве единственного (и древнейшего из всех известных!) примера цеканья, обусловлено, разумеется, иным фонетическим явлением — регрессивной ассимиляцией согласных, ср. обратное написание в той же позиции: «саметство» и «самитство» (с. 386; от «самецъ» и «самица» соответственно).

М. Таубе сообщает, что издаваемый им текст отражает аканье как в ударной (!), так и в безударной позиции, хотя примеры на первую из них естественным образом отсутствуют. Может быть, автор имел в виду приводимые

5 См. значительно более подробное авторское изложение соответствующей проблематики на русском языке: Таубе М. Ересь «жидовствующих» и переводы с еврейского в Средневековой Руси. *История еврейского народа в России, т. 1: От древности до раннего Нового времени*, под ред. А. Кулика. Иерусалим; Москва, 2010, 367–397.

ниже примеры гиперкоррекции? В таком случае здесь игнорируется разница между собственно фонетическим процессом и отражающими его орфографическими явлениями. Сказанное относится также к последующим примерам, где (после иллюстрации фонетического перехода *в, въ > оу*) приводятся примеры обратной замены букв *оу > в; оу > во; оу > въ* (с. 52), ср. далее примеры на *је > ја* и, наоборот, *ја > је* (с. 52–53), а также *у > і* и, наоборот, *і > у* (с. 53).

Смещение *х / h* иллюстрируется примерами «приходитса» и «магмѹда» (с. 53), однако первый из них по своей семантике и еврейскому соответствию вполне подходит глаголу *приходити* (см. с. 678) и, следовательно, не связан с каким-либо «смещением», а второй отражает иной фонетический процесс — озвончение заднеязычного перед сонорным.

В качестве «лениции слабого *h*» наряду с отсутствием буквы *г* в интервокальной позиции цитируется также пример *ла < г > кость* (с. 53), не соответствующий позиции «лениции» и связанный с регрессивной ассимиляцией согласных.

Морфологическое описание также не свободно от неточностей. Так, написание «нарекомъ» является не формой 1 л. мн. числа настоящего времени (с. 53), а страдательным причастием наст. вр. (в им. пад. муж. рода), что вполне подходит к соответствующей еврейской форме *אָרָקָה* (с. 394–395).

Подобные недочёты лингвистического описания заставляют с осторожностью отнестись к выводу М. Таубе о белорусском языковом характере публикуемых руськомовных переводов. Во-первых, издаваемый здесь текст (по крайней мере двух первых трактатов из трёх) является реконструкцией, и потому представленные в нём языковые и особенно орфографические явления напрямую зависят от принятых издателем решений, многие детали которых остаются неизвестными читателю. Во-вторых, даже при наличии в тексте собственно белорусских явлений, у нас нет полной уверенности в том, что они восходят именно к первоначальному переводу, а не были вторично привнесены позднейшими переписчиками. Не следует забывать, что наиболее ранние рукописные источники славянской версии *Слов логики* Маймонида и *Богословия* аль-Газали датируются XVII в., тогда как М. Таубе реконструирует оригинал второй половины XV в., отстоящий, таким образом, от дошедших до нас списков примерно на полтора столетия.

Вслед за этим в рецензируемом издании охарактеризована целевая аудитория руськомовных переводов с еврейского, внутри которой различаются две группы читателей: предполагаемая и реальная (с. 57–59). Введение подобного деления подводит читателя к заключению (нигде, впрочем, явно не сформулированному), что публикуемые здесь переводы на руську мову исходно предназначались православным славянам Великого княжества Литовского, но реальными читателями оказались прежде всего представители новгородско-московского движения жидовствующих.

Если это действительно так, то М. Таубе выбрал для своей книги название, отражающее не исходную, а вторичную (и, следовательно, изначально не предполагавшуюся) целевую аудиторию издаваемых им переводов с еврейского, которой стали новгородско-московские жидовствующие. Это обстоятельство дополнительно усугубляется тем, что руськомовная версия *Логики* аль-Газали (она занимает с. 426–573 рецензируемого издания), известная в единственном списке, созданном в Великом княжестве Литовском, так и не достигла Московской Руси (с. 70) и, следовательно, осталась неизвестной представителям новгородско-московского движения жидовствующих. В свете введённой М. Таубе дихотомии предполагавшейся vs реальной целевой аудитории загадочно выглядит его замечание о том, что *Логика* аль-Газали все же могла предназначаться именно для новгородско-московских жидовствующих (с. 70).

Гораздо более вероятным представляется цитируемое М. Таубе мнение Р. Романчука о том, что руськомовные переводы еврейских переводных и оригинальных философских произведений выполнялись для представителей киевского княжеского рода Олельковичей (с. 63–64) и лишь впоследствии оказались (да и то не в полном объёме) в распоряжении новгородско-московских жидовствующих. Следовательно, изначально указанные переводы всецело принадлежали кириллической книжности Великого княжества Литовского и лишь позже вышли за её пределы — в Великий Новгород и Москву.

Далее в книге представлены примеры адаптации славянского перевода *Слов логики и Намерений философов* (с. 59–61), продемонстрирована связь указанных текстов с новгородско-московским движением жидовствующих, основанная на упомянутом выше перечне наук Схарии (с. 61–64). Завершает третью главу обсуждение общего смысла издаваемых текстов, который заключается в довольно нетипичном сочетании у еврейского переводчика двух взаимно противопоставленных мировоззренческих начал — рационалистического кредо и мистической мотивации к распространению иудаизма среди православных восточных славян в связи с ожидавшимся концом света в 1492 г. (с. 64–69). Такое сочетание теоретически возможно, но вряд ли исторически правдоподобно.

Одностраничная четвёртая глава (с. 70) содержит основной вывод: *Слова логики* Маймонида и *Богословие* аль-Газали были переведены на руську мову еврейским книжником с целью создать у православных читателей привлекательный образ иудаизма.

Наиболее обширная пятая глава (с. 71–129) посвящена истории изучения издаваемых переводов. Именно здесь наиболее ярко проявился исследовательский талант М. Таубе и его любовь к излагаемому материалу: в отдельных подглавках (весьма различных по объёму) представлено концептуальное изложение вклада разных исследователей, от А.И. Соболевского (1899 г.) до В.Ф. Райана (1988 г.) и самого М. Таубе (1997 г.), в изучение руськомовного

перевода *Слов логики* и *Намерений философов*⁶. Хотя здесь обсуждаются лишь вопросы, непосредственно связанные с указанными славянскими текстами, эта глава всё же даёт некоторое представление о творческой манере отдельных учёных. Читателям наверняка будет интересно прочитать критический разбор трудов маститого слависта Д.И. Чижевского (с. 106–109) и апологетическое изложение основного содержания исследования, выполненного недостаточно известным в славистических кругах немецким философом и историком культуры Т.М. Зеебомом (с. 114–124), с выводами которого М. Таубе полностью согласен (с. 117).

Несмотря на высокую степень объективности представленного историографического обзора, изредка в нём попадаются отдельные субъективные моменты. Так, читателю будет нелегко уловить «антисемитский подтекст» («antisemitic overtones») в цитируемых и, безусловно, необъективных высказываниях Г.Г. Шпета (с. 93–94). Иногда источники цитируются некорректно: так, краткая цитата «у еретиков все есть» («The heretics have everything», с. 111) является произвольным сокращением более широкого контекста («потому что эти книги у еретиков все есть», т.е. имеются в виду не вообще все, а вполне конкретные книги, перечисленные в цитируемом источнике). Трудно сказать, намеренно ли в историографическом обзоре отсутствует имя М.С. Грушевского, который в 1-й книге 5-го тома своей *Истории украинской литературы* уделил немало внимания восточнославянским переводам с еврейского.

Шестая глава (с. 130–141) посвящена описанию публикуемого далее критического издания: как славянского (с. 130–138), так и еврейского текста (с. 138–141), а также принятых условных сокращений (с. 141). К сожалению, при перечислении кириллических рукописей не указано, какие именно из них относятся к традиции Великого княжества Литовского, что было бы важно в связи с введённым М. Таубе различием между предполагавшейся и реальной целевой аудиторией издаваемых текстов.

В действительности из 10 сохранившихся рукописных источников таких всего два: это уже упоминавшаяся единственная рукопись *Логике* аль-Газали и весьма ранний список двух иных издаваемых текстов⁷. Несмотря на столь малое количество рукописей, принадлежащих традиции Великого княжества

6 Разумеется, после 1997 г. появилась новая научная литература, не отражённая в монографии М. Таубе. См., напр., последнюю из известных мне публикаций: Мильков В.В. Переводные философские сочинения в русской книжности конца XV — середины XVI веков: еврейские и арабские влияния. *Историко-философский ежегодник*. 2016. М., 2016, 269–295 (с литературой).

7 Это список G — рукопись первой половины XVII в. (в книге М. Таубе она датирована рубежом XVI–XVII вв.), писанная южнорусским полууставом (Москва, Государственный исторический музей, Синодальное собрание (ф. 80370), № 943), см. описание: Протасьева Т.Н. *Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева)*, ч. 1 (№ 577–819). М., 1970, 162–163 (№ 755). В конце XVII в. эта южнорусская рукопись уже бытовала в Московской Руси (принадлежала стольнику Фёдору Ивановичу Леонтьеву), см. также: Демкова Н.С. Леонтьева Евдокия Ивановна. *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, вып. 3 (XVII в.), ч. 2. Под ред. Д.М. Буланина и А.А. Турилова. СПб., 1993, 232.

Литовского, именно она оказывается наиболее репрезентативной, поскольку содержит все три издаваемых трактата, тогда как численно превосходящие великорусские рукописные источники содержат лишь два из них.

В публикуемых далее кириллических текстах местоимение «иже» в косвенных падежах иногда пишется с неверным словоделением: «о ни^х же» (с. 264), «им^г же» (с. 440), «ею же» (с. 442); причём одна и та же форма пишется по-разному даже в пределах одной страницы («в не^мже» и «в не^м же» на с. 376).

С другой стороны, те местоимения, которые должны писаться с «же» раздельно, иногда пишутся слитно: «онже» (с. 342), «шнаже» (с. 344), «швїиже» (с. 346), «на тоже мѣсто» (с. 360). Частица «ни» неправомерно пишется слитно: «нижадномѣ» (с. 354). При верном написании «дабы» встречается также «да бы» (с. 362), в связи с чем последний пример не попал в конкорданс (о нём — ниже).

Возвратная частица «са» в постпозиции к глагольной форме часто пишется слитно (даже в случае «раз^гнить*са» на с. 440), хотя в самом тексте немало доказательств её синтаксической самостоятельности: «раз^гмѣ^т же са» (с. 298), «аще бы са оутаило» (с. 366), «оутаило бы са» (там же), «што са не сказоуеть» (с. 436), «што са оуказоуеть» (там же), «са згорело» (с. 548). Более того, иногда она пишется слитно даже с местоимениями, ср.: «чи^мса она сама толк^ѣ» (с. 280).

Иные неточности словоделения: «посем^ѣже» (с. 338, 370), «потом^ѣж^к числ^ѣ» (с. 380), «ачь коли» (с. 434), «истин^гна ило*» (с. 440), «шир^гшеп^гр^гсьми» (с. 472), «не възможно» (с. 482), «с^гсего» (с. 488), «яко же» (с. 516).

Публикатор не отметил возможного наличия в тексте латинского слова: «да аще се сикъ» — *if this is so* (с. 298, 693), что вызывает в памяти лат. *sic* 'так'. Эта деталь дополняет более ранние наблюдения о знакомстве с романскими языками киевских переводчиков с еврейского на руську мову⁸.

Выполненная М. Таубе реконструкция исходного перевода местами сомнительна. Так, словоформа «млодость» переведена как *youthfulness*, хотя еврейский текст содержит חַלְוָה «и слабость» (*TA* 1.10.7, с. 326–327, 642), при этом в ином месте та же семитская лексема переведена как «млость» «слабость» (*LA* 4.8.16, с. 536, 642). Очевидно, что и в первом случае первоначальной была та же лексема, имевшая в руськой мове вариант «мдлость» (от него и происходит принятая в реконструкцию форма «млодость»).

Остаётся неясным, как в реконструированный текст попали явно вторичные элементы, как, например, заключённые в квадратные скобки (обозначающие места, не имеющие соответствий в еврейском оригинале) буквы в

8 Подр. см.: Темчин С.Ю. Схария и Скорина: Об источниках Виленского ветхозаветного свода (F 19–262), *Senoji Lietuvos literatūra, kn. 21* (Vilnius, 2006), 302, 306 (обновлённая английская версия: S.Y. Temchin, “Skhariya and Skoryna: On the Sources of Vilnius Old Testament Florilegium (F 19–262),” *Pinkas: Annual of the Culture and History of East European Jewry*, vol. 2, ed. by L. Lempertienė (Vilnius, 2008), 22, 26).

сегменте «аще бо положено бы[х^м]» (с. 338) — при их наличии фраза становится грамматичной.

Английский перевод славянской реконструкции иногда следует не ей, а еврейскому оригиналу: см., напр., утвердительное выражение «сими извъстьса» (читай: “извъсть са» — *C.T.*) разнь» (с. 370), переведённое вопросительным предложением «By what, then, would the difference be recognised?» (с. 371–372).

В своей заключительной части издание содержит англо-славянский указатель философской и научной терминологии (с. 577–586), состоящий из отдельных перечней: а) логических и метафизических; б) грамматических и семантических; в) математических, геометрических и физических терминов, а также названий самих наук, за которыми следует славяно-англо-еврейский указатель философской и научной терминологии (с. 587–596), позволяющий проследить переводческую технику средневекового книжника.

Завершается издание детально разработанным конкордансом словоформ основного текста (без разночтений) публикуемых руськомовных переводов (с. 597–720), также вызывающим некоторые вопросы.

Так, слово «лютыи» переводит в издаваемых текстах еврейские существительные לָשׁוּי, לָשׁוּי «лев» (с. 641), но тем не менее характеризуется как прилагательное со значением «wild beast, ferocious, lion» — без объяснения, почему в толковании постулируемого прилагательного присутствуют два существительных (wild beast, lion) и почему первые два определения (wild beast, ferocious) семантически отличаются от приводимых тут же еврейских соответствий со значением «лев». В самом тексте М. Таубе перевёл «лютыи» как the lion (*LM* 13.6.5, с. 242), синонимический ряд «лѣвъ», «лютыи», «скѹмень» — не формально, но семантически верно как «lion», «leo», «king of the beasts» (*LA*, 1.5.4, с. 456), однако синонимическую пару «лютыи тожде» и «скимень» он переводит семантически неточно как «ferocious one» is identical with «young lion» (*TA* 3.3.1, с. 382), стараясь передать не значение, а внутреннюю форму интересующего нас славянского слова. В результате перевод вошёл в противоречие со смыслом переводимого текста, ведь, вопреки утверждению о тождественности (is identical), выражение «ferocious one» семантически не идентично словосочетанию «young lion», поскольку значение первого — значительно шире, ср.: ferocious animal «свирепое животное», ferocious man «свирепый человек», ferocious look «свирепый взгляд».

Иногда правописание словоформы в конкордансе и самом тексте оказывается различным, напр.: «доразѹмѣть са» (*TA* 0.0.5) в конкордансе (с. 619) «при чим са даразѹмѣть» — в тексте (с. 262). Если публикатор действительно восстановил в тексте «акающую» форму (причины такой реконструкции читателю неясны), то откуда в конкордансе взялось «оканье»?

Заглавные формы конкорданса вызывают недоумение. Так, в разных местах алфавита оказываются не только фонетико-орфографические варианты

типа «взати» и «оузати» (с. 605, 706), но даже варианты типа «взыти» и «възыти» (с. 605, 610). Составитель отказался от нормализации даже в тех случаях, когда фонетико-орфографический облик оказывается семантически амбивалентным (ср. «оуходъ» *ingression* на с. 709). Непонятен также смысл разделения слов с начальными буквами о- (с. 653–661) и w- (с. 710–714), которые во многом пересекаются и сопровождаются взаимными отсылками. Причём славянская омега трактуется двойко — как вариант буквы о и как самостоятельная буква, располагающаяся в заключительной части алфавита (именно поэтому начальная последовательность въw- выступает дважды в разных местах на с. 611).

По разным местам алфавита разнесены реальные (не отсылочные) словарные статьи «їзраиль» и «израиль», «їаковъ» и «иаковъ». Вариативность в орфографии и даже в написании букв в строке и над строкой отражена в заглавиях словарных статей, например: «безконечнии», «бе³конечнии» (с. 600); «нѣтъѣ», «нѣтоу» (с. 653); «нѣт», «нѣт̣» и отдельная статья «нѣтъ», «нѣть», «нѣт̣» (с. 653). Сокращённые под титлом слова введены в общий алфавитный порядок в зависимости от использованных в написании букв: так, список слов на букву Б начинается формой «бгъ», после которой следует «бедѣнїе» (с. 600), но далее статья богъ содержит лишь отсылку к статье «бгъ» (с. 601); подобные отсылки даются нерегулярно: например, статья «бжѣство», «бжѣство» (с. 601) не продублирована ссылочной статьёй *божество. Статьи «близ *adv. near*» и «близъ *prep (+g.) closer*» оказываются разделёнными статьёй «близкїи» (с. 601). Почему конечный редуцированный восстановлен лишь в предлоге, но не в наречии — остаётся загадкой.

Хотя в конкордансе правописание с ѣ и е различаются, здесь тем не менее дана основная форма «немый» (с. 650) — видимо, потому, что в обоих случаях употребления этого слова в реконструированном оригинале принят не ѣ, а е (причины такой орфографической реконструкции читателю неясны).

Грамматические особенности конкорданса также вызывают вопросы. Так, именные и местоименные формы прилагательных бывают разнесены по отдельным словарным статьям из-за того, что обладают разными еврейскими соответствиями, см., напр.: «нѣтванїи» и «нѣтванъ» (с. 653). Причастия даются отдельно от глаголов: «ѣразѣмѣти» и «оуразѣмѣти» (с. 708). С другой стороны, в одной словарной статье могут объединяться причастия и прилагательные: например, формы прилагательного «оувѣтно», «оувѣтное» даны внутри статьи причастия «оувѣтенъ» (с. 705), несмотря на наличие статьи «оувѣтнїи». Совпадение форм род. и вин. падежей ед. ч. постулируются для слов не только мужского, но женского рода, ср.: «хотѣнїа *part. pret. pass. acc.-g. sg. fem*» (с. 710). Причастие «омолклъ» охарактеризовано как прилагательное (с. 657).

Таким образом, словарные статьи конкорданса отражают не лексемы, а варианты их написания, грамматические формы и/или славяно-еврейские

лексические соответствия. Всё это значительно затрудняет работу с данным разделом книги.

Как и любое издание значительного объёма, рецензируемый том не свободен от опечаток. Так, на одной странице введения находим написания «отъялося» и «отъ ялося» (с. 84), в иных местах — «мрымяненне» вместо ожидаемого *прымяненне в цитате (с. 112), «плотн мѡ» вместо *плотномѡ (с. 292).

Несмотря на многочисленные недостатки лингвистической интерпретации, рецензируемое издание следует оценить положительно. М. Таубе проделал весьма трудоёмкую и технически сложную работу: сравнил дошедшие до нас списки публикуемых произведений, весьма значительных по объёму; предложил собственную реконструкцию исходного перевода; существенно прояснил смысл крайне трудных для понимания и интерпретации русьскомовных текстов, снабдив их английским переводом; сопоставил славянский текст с существующими еврейскими версиями и арабским оригиналом, используя для этого как печатные, так и рукописные источники. Последнее вряд ли было бы под силу профессиональным славистам.

Рецензируемое издание высоко оценено за рубежом: в 2016 г. оно отмечено призом Ассоциации раннеславянских исследований (Early Slavic Studies Association) в категории научных переводов; в 2017 г. М. Таубе получил за него первую премию из числа Премий Полонского (Еврейский университет в Иерусалиме) за творчество и оригинальность в гуманитарных науках.

Сергей Темчин

Боровков Д. *Владимир Мономах, князь-мифотворец*. М.: Ломоносовъ, 2015, 240 с. [История. География. Этнография]

Фигура великого киевского князя Владимира Мономаха продолжает привлекать внимание исследователей. Только за последние годы ему были посвящены книги А.Ю. Карпова и автора этих строк, рецензии на которые опубликованы в предыдущем томе *Рутеники*. Очередная книга о князе, признаваемом её автором «мифотворцем», принадлежит перу Дмитрия Боровкова, задавшегося целью, проанализировав летописные тексты, «воссоздать его подлинный облик».

Работа состоит из введения и девяти разделов, в основном отражающих жизненный путь Владимира Мономаха и вместе с тем процесс формирования его политического мифа, начатого ещё при его жизни на страницах *Ловести временных лет* и продолженного в XIII–XVI вв.

Во введении автор обращает внимание на «уникальность Владимира Мономаха среди других представителей рода Рюриковичей» и приводит существенно разнящиеся по своей сути характеристики, данные князю рядом